

РАССКАЗ

По скользкой, размытой дождем, дороге идет мальчик. Коротковатые, широкие брюки не закрывают высоких голенищ сыромятных ботинок. Балансируя на мокром суглинке, он осторожно держит в руке алюминиевую кастрюлю, завернутую в клетчатый женский платок. Туман. Стоит мертвейшая тишина. Жухлые бледно-зеленые листья акации слиплись, повиснув тяжелой, дырявой шапкой на грубом, корявом стволе.

Мальчик идет по дороге. Ему некогда смотреть по сторонам — он глядит только под ноги. С переносицы то и дело сползают, очки. Приходится все время поправлять их.

Мальчик спешит. Не спешит только дождик. Как сквозь частое, тесное сито просевается он на поля, на мальчика, на дорогу... И нет ему конца.

За балкой, где большим зеленым грибом стоит одинокое тутовое дерево, кончается село. За поворотом видны узорчатые опоры высоковольтной линии, шагающие далеко по степи. А еще выше этих огромных треног поднялся башенный кран, степенно расхаживающий по площадке: здесь строят новый элеватор.

— Батя-а-а! — кричит мальчик крану, поставив кастрюлю на штабель железобетонных плит. — Можно к тебе?

Сверху сразу же донесся радостный простуженный бас:

— Давай, Серега!

Держа в зубах узелок с кастрюлей, Сережа медленно пробирался к кабине, судорожно хватаясь руками за холодные, мокрые поручни железной лестницы.

— Ну, здорово, мужик. Тренируешься?

— Угу, — кивнул сын, зубами распутывая замусоленный узелок платка.

Отец вытер паклей смоченные в бензине руки, подмигнул сыну.

— Ну что, опять каша?

— Не-е... борщ, — распутал узелок Сережа.

— Борщ? — удивляется отец.

— Я сам варил... ну и бабка мне помогла.

— Бабка... — вздохнул мужчина.

Худ. А. Новиков.

— Посмотри, пап. Вон белые домики. Там живут? — спросил Сережа, вглядываясь в окно.

— Пока нет. Это новые... Садись. Оторвавшись от окна, Сережа сел рядом с отцом.

— Как с учебой? «Шаров» не нахватал?

— Я сегодня пятерку по географии получил.

— Это хорошо.

— А как же. Только так. Я тоже хочу на кране вкалывать.

— Что это за слово — «вкалывать»? Сережа поднял голову и нерешительно сказал:

— А помнишь, мама всегда тебе говорила: «вкалываешь, вкалываешь...»

Машинист угнулся, протирая большим пальцем часы. Стекло не протиралось — оно запотело изнутри.

— Ладно, ешь, — сказал он, встряхивая головой.

Сережа отвернулся к окну.

— Пап, а нам тоже такой дадут? — спросил он тихо, глядя на щербатый забор белых домиков.

— Да. Скоро переедем от бабки. Вот черт неужели это ты готовил борщ? Сроду такой не ел!

— Тогда, может, и мамка приедет к нам? — еще тише спросил Сережа, уставясь куда-то в одну точку.

Машинист отложил ложку, молча посмотрел на кастрюлю, на клетчатый платок и отвернулся.

Мелкий бисер дождя изрыбил все стекло. Машинист глубоко, шумно вздохнул и вынул измятую пачку

«Прибоя».

— Иди, Серега, ко мне. Я расскажу тебе одну историю.

Сережа молча присел рядом.

— Это сказка?

— Сказок с плохим концом не бывает!

— Значит, это правда?

— Слушай... Когда-то, это было очень давно, шла война. Но в лесу, где жила Лесовичка, войны не было. Там было тихо и только изредка скрипели сосны, да дятел стучал по пустому дереву.

Неторопливой, приглушенный голос отца увел мальчика в непроходимый, дремучий лес. Будто притаившись за толстым стволом дерева, Сережа слушал рассказчика.

— И он погиб? — не выдержав, спросил он.

— Слушай...

И снова Сережа видел Лесовичку. Она стояла у дороги и ждала. Ждала не одна, а с мальчиком, которого подобрала у лесной опушки. Незнакомые люди шли по этой дороге. Одни проходили мимо, другие останавливались, глядели на одинокую мать. Но Лесовичка не обращала на это внимания. Долго стояла она у дороги. Стояла и ждала. Ждала только одного, а его все не было.

И вот, когда все прошли, далеко на горизонте качнулось марево. Шел человек. Это был последний человек, проходящий по этой дороге. Лесовичка знала, что это он.

Но война изменила его. Изрядила не только тело, но и душу. Ему не верилось, что мальчик действительно чужой для нее. Сперва шли они вместе, все втроем по одной дороге, но за крутым поворотом, где начиналась бескрайняя степь, он пошел только с мальчиком, оставив Лесовичку одну.

Они уходили все дальше и дальше, все дальше от войны, все дальше от Лесовички. Но горечь не проходила, а раскаяние только обжигало лицо. И несмываем был этот загар.

— А что дальше? — очнувшись, спросил Сережа.

— Не знаю, малыш. Знаю только то,

что и до сих пор он еще почему-то ждет ее.

— Значит, это еще не конец? — Не знаю...

— Значит, это сказка!..

И снова по скользкой, размытой дождем, дороге идет мальчик, и снова сыромятные ботинки оскользаются на суглинке. Только теперь он не спешит. Куда спешить?! Не спешит и дождик. Бесшумно сеет он мокрую манку на деревья, на мальчика, на дорогу...

За одиноким тутовым деревом дорога круто сворачивает к селу, рассыпаясь на множество лучей-дорожек по улицам, проулкам, огородам... На одну из них сворачивает и мальчик. Вон уже видна и покосившаяся хата со старыми, скрипучими воротами, подернутыми желто-серым грибок. У ворот кто-то стоит. «Кто бы это мог быть? — думает мальчик, поправляя очки. — Наверно, бабка, — догадывается он. — Надо ей сказать, что скоро мы переедем в новый дом», — вспоминает он отца, сказку и белые домики.